

А *Личный архив*

ЯНУШ

КОРЧАК

ОСТАВЬТЕ МЕНЯ ДЕТЯМ...

Педагогические записи

Януш Корчак
Оставьте меня детям...
Педагогические
записи (сборник)
Серия «Личный архив»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24865067

Януш Корчак. Оставьте меня детям... Педагогические записи: АСТ;

Москва; 2017

ISBN 978-5-17-098970-6

Аннотация

Януш Корчак – величайший педагог-новатор, замечательный писатель, и что крайне важно, его книги не имеют градуса актуальности привязанного ко времени, к конкретной эпохе. Книги Корчака будут читать учителя и родители, дети и подростки во все времена, ибо книги эти – синтетика трагедии и света, души и ума, а в совокупности – служения. Служения детям, служения детскому счастью. «Дневник» Януша Корчака, написан в гетто весной – летом 1942 года. Документ страшного времени имеет особую силу и в полном объеме до сих пор не был переведен на русский язык.

Содержание

Дневник	5
Первая часть	5
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Януш Корчак

Оставьте меня детям...

Педагогические записи

Все права защищены.

Ни одна из частей этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Л. Стоцкая, перевод с пол. яз., 2016

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

Дневник май – август 1942

Первая часть

Мемуары – литература унылая и мрачная. Художник или ученый, политик или диктатор вступают в жизнь, полные честолюбивых намерений, мощных, безупречных, победных деяний – живая энергия действия. Они возносятся вверх, преодолевают препятствия, расширяют сферу своего влияния, вооружаясь опытом и приобретая единомышленников; все плодотворнее, все легче, этап за этапом стремятся они к своим целям. Так проходит десять лет, иногда – два-три десятилетия. А потом...

Потом накапливается усталость, потом – шажок за шажком, но упрямо по той же, однажды выбранной дорожке. Удобным проторенным путем, с меньшим пылом и мучительной убежденностью, что все не так, что слишком мало [сделано]¹, что в одиночку куда труднее. Прибавляется серебра в волосах и морщин на некогда гладком и дерзновен-

¹ Здесь и далее в квадратных скобках приводятся восстановленные по смыслу пропуски слов. – *Прим. лит. ред.*

ном челе, а глаза все слабее, кровь все медленней кружит в теле, и ноги еле волокутся.

Что поделатъ – старость.

Один упрямится и [не] сдается, жаждет, как и раньше, даже сильнее, лишь бы успеть. Он обманывается, защищается, бунтует и мечется. Другой же в скорбном смирении не только от всего отрекается, но даже идет на попятную.

Я больше не могу...

Даже пробовать не хочу...

Не стоит и пытаться...

Я уже ничего не понимаю...

Кабы вернули мне урну с пеплом жизни, что я прожигал, энергию, растраченную на заблуждения, расточительный размах прежних сил...

Новые люди, новые поколения, новые нужды. Вот уже и его все раздражают, и он всех раздражает – и сразу недопонимание, а потом уже и постоянное непонимание: эти их жесты, их шаги, эти их глаза и белые зубы, и лоб гладкий... ладно, хотя бы помалкивают...

Все и всё вокруг, и земля, и ты сам, и [новые] звезды говорят тебе:

– Довольно... Тебе – закат... Теперь мы... Тебе – итог...

Ты твердишь, что мы всё [делаем не] так... Мы и не спорим – тебе лучше знать, ты умудрен опытом, но позволь нам самим попробовать.

Таков порядок жизни.

Таков и человек, и зверь, да и деревья, наверное... Камни – другие, но кто знает; теперь их воля, мощь и время.

Тебе сегодня – старость, а завтра – дряхлость.

И все быстрее хоровод стрелок на циферблатах.

Сфинкса каменный взор задает извечный вопрос:

– Кто утром на четырех ногах, в полдень резво на двух, а вечером – на трех?

Ты. Опираясь на палку, загляделся на гаснущие холодные лучи заходящего солнца.

В собственной биографии я попробую по-другому. Может, это удачная мысль: вдруг получится, вдруг именно вот так нужно.

Когда копаешь колодец, то начинаешь работу не со дна; сначала широко разметываешь верхний слой, откидываешь землю, лопата за лопатой, не ведая, что там, глубже: сколько переплетенных корней, какие препятствия и провалы, сколько досадных, закопанных другими, да и тобой позабытых камней и разных жестких штук.

Решение принято. Довольно сил, чтобы начать.

Но бывает ли вообще на свете завершенная работа?
Поплюй на ладони. Покрепче ухвати лопату. Смелее.
Раз-два... раз-два...

– Бог в помощь! Дедуль, ты чего задумал?

– Сам видишь. Ищу подземный источник, живительную чистую стихию вызволяю, воспоминания расчищаю.

– Тебе помочь?

– О нет, голубчик мой, тут каждый сам должен постараться. Никто не придет на выручку, никто тебя не сменит. Все остальное можем делать вместе, коли ты мне еще доверяешь и сколько-нибудь да ценишь. Но эту свою последнюю работу я сам должен сделать.

– Дай Бог сил...

Вот так-то...

Я намерен ответить на лживую книгу фальшивого пророка. Много та книга сотворила зла.

Так говорил Заратустра².

И я беседовал – имел честь с Заратустрой беседовать. Его премудрые посвящения в тайны, тяжелые, жесткие, острые. Тебя, бедный философ, завел бы он за темные стены и частые решетки дома скорби, да ведь так оно и было. Вот же

² В переводе Вацлава Берента 1905 г. Одна из книг, прочитанных Корчаком в юности, ссылку на которую он впервые дает уже в 1901 г.

оно, черным по белому:

«Ницше умер в разладе с жизнью – сумасшедшим».

Я же в своей книге хочу доказать, что умер он в мучительном разладе с истиной.

Тот же самый Заратустра меня учил другому. Может, у меня слух поострее, может, я вслушивался внимательнее.

В одном мы сходимся: дороги (и мастера, и моя – ученика) тяжкими были. Поражения куда чаще побед, много кривых дорожек, а значит, время и силы потрачены впустую. Казалось бы, впустую.

Ибо в час расплаты – не в одинокой келье самого скорбного лазарета [...] и бабочки, и кузнечики, и светляки, и солист в высочайшей синеве – жаворонок.

Господь благ.

Спасибо тебе, добрый Боже, за луга и красочные закаты, за живительный вечерний ветерок после знойного дня пахоты и труда.

Спасибо, добрый Боже, что так мудро придумал: цветы пахнут, светлячки светят на земле, а искры звезд – на небе.

Как же радостна старость.

Как приятна тишина.

Сладкий отдых.

«Человек, безмерно Тобой одаренный, Тобой сотворен-

ный, Тобой же спасенный...»³

Ну, довольно.

Начинаю.

Раз-два.

Греются на солнышке два деда.

– Вот скажи, старый хрыч, как это ты еще умудряешься жить?

– Ну так я жизнь вел солидную, размеренную, без потрясений и переворотов. Не пью, не курю, в карты не играю, за юбками не бегал. Никогда не голодал, не перерабатывал, ничего наспех не делал, ни во что рискованное не вступал. Всегда все вовремя и в меру. Сердца не надрывал, легкие не раздирал, голову себе не морочил. Умеренность, спокойствие и рассудительность. Вот я и жив до сих пор. А вы, коллега?

– А я-то немного по-другому. Раздают синяки да шишки – я тут как тут. Я еще сопляком был, как пошли первые протесты да перестрелки. И ночи бессонные были, и тюрьма: ровно в такой дозе, чтобы молокососа хоть немного пообтесать-укоротить⁴. Потом война. Так себе, ничего особенного.

³ Цитата из «Утренней песни» Франтишека Карпинского (4 октября 1741 г. – 16 сентября 1825 г.), польского поэта, драматурга, представителя сентиментализма, автора многих религиозных гимнов и стихов.

⁴ Обстоятельства первого ареста Корчака неизвестны (второй раз его задержали на две недели в 1909 г.); возможно, впервые он подвергся аресту в феврале-марте 1899 г. (тогда он был студентом 1-го курса медицинского факультета) в

Далеко пришлось идти, за Уральские горы, за байкальские моря, за [земли] татар, киргизов, бурятов, до самых китайцев. Только докатился я до маньчжурской деревни Таолай-чжоу, глядь – опять революция. Потом ненадолго мир-покой воцарился. И водку я пил, как не пить, и жизнь, не мятый рубль, на карту ставил. Только вот на девчонок времени у меня не хватило... а так, кабы не это, да не то, что стервы они, до ночей охочие, да еще и детей рожают... Пакостная привычка. Один раз я попался. Потом на всю жизнь охоту отбило. Хватит с меня. И угроз, и слез. Сигареты курил без счета. И днем, и ночью, и в размышлениях, и в спорах, одну от другой прикуривал, дымил как паровоз. На мне живого места нет. Спайки, боли, грыжи, шрамы, весь на ходу разваливаюсь, скриплю, а вот ведь живу и пружина. И еще как! Спросите тех, кто мне поперек дороги встает. Как дам леща – мало не покажется. И сейчас бывает, целая банда меня на цыпочках по стеночке обходит. Да у меня и друзья-приятели есть.

– И у меня тоже. У меня и дети есть, и внуки. А у вас, коллега?

– У меня их двести.

– Шутить изволите, господин хороший?

связи со студенческими волнениями в Варшавском университете и других учебных заведениях. Далее Корчак вспоминает свое участие в Русско-японской войне на Дальнем Востоке; мобилизованный в июне 1905 г., он вернулся домой в марте 1906 г.

Сейчас 1942 год. Май. Холодный в этом году май. И эта сегодняшняя ночь – тишайшая из тишайших. Пять часов утра. Дети спят. Их на самом деле две сотни. В правом крыле пани Стефа⁵, я в левом, в так называемом изоляторе⁶.

Моя кровать в центре комнаты. Под кроватью – бутылка водки. На тумбочке ржаной хлеб и кувшин воды.

Любезный Фелек⁷ наточил мне карандаши, каждый с двух сторон. Я бы мог писать вечным пером, одно мне дала Хадаска⁸, а второе – папа непослушного сыночка.

От этого карандаша у меня вмятина на пальце. И только сейчас до меня дошло, что можно по-другому, можно удобнее, пером писать легче.

Недаром папенька⁹ называл меня в детстве раззявой и

⁵ Стефания Вильчинская (1886–1942), главная воспитательница Дома сирот; руководила детским домом совместно с Корчаком с самого начала его существования (с октября 1912 г.).

⁶ Дом сирот на Сенной, 16 / Сливской, 9 (здание Общества работников торговли и промышленности), с конца октября 1941 г. был также изолятором для больных.

⁷ Феликс Гжиб (1917–1943?), выделявшийся успехами воспитанник, позже вместе с женой Бальбиной («пани Блимка»), бурсисткой Дома сирот, – его сотрудник.

⁸ Письмо к девочке с таким именем (она не была воспитанницей Дома сирот) см. в главе [Неизвестной девочке].

⁹ Юзеф Гольдшмидт (1844–1896), адвокат, общественный деятель, автор публикаций. (О семье Корчака см.: Maria Falkowska. *Rodowód Janusza Korczaka* //

балбесом, а в бурные моменты так даже идиотом и ослом. Одна только бабушка¹⁰ верила в мою звезду. А так – лентяй, плакса, нюня (я уже говорил), идиот, все ему до лампочки.

Но об этом потом.

Они были правы. Поровну. Напополам. Бабуля и папа.
Но об этом потом.

Лентяй... это заслуженно... Не люблю писать. Думать – другое дело. Мне это не составляет труда. Я словно сам себе сказки рассказываю.

Я где-то прочитал:

«Есть люди, которые так же не думают, как другие не курят».

Я – думаю.

Раз-два... раз-два.

На каждую неловкую лопату земли, выброшенную из мое-

Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. – 1997. – № 1.)

¹⁰ Единственная бабка Корчака со стороны матери – Эмилия (Мина) Гембицкая, урожденная Дайтхер (1832–1892); бабушка и дедушка по мужской линии умерли до рождения Корчака (1878 или 1879 г.).

го колодца, я обязательно засматриваюсь. Задумываюсь минут на десять. И не в том дело, что я нынче слабый, потому как старый. Так всегда было.

Бабушка угощала меня изюмом и приговаривала:
– Философ.

Видимо, я уже тогда в приватной беседе посвятил бабушку в свой дерзкий план переустройства мира. Ни много ни мало: выбросить все деньги. Как и куда выбросить и что потом делать, я точно не знал. Не судите слишком строго. Было мне тогда пять лет, а проблема была невообразимо трудной: что делать, чтобы не было детей грязных, оборванных и голодных, с которыми мне нельзя играть во дворе, где под каштаном похоронена в вате, в жестянке из-под леденцов, первая моя покойница, близкая и ненаглядная, пока только канарейка. Ее смерть поставила передо мной таинственный вопрос веры.

Я хотел на ее могилке поставить крест. А служанка сказала, что нельзя, это же птица, она ж куда ниже человека. Даже плакать по ней грешно.

Ну, это служанка. Хуже то, что сын дворника заявил: канарейка моя была еврейкой.

И я еврей. А он – поляк и католик. Вот он точно попадет в рай, а я, если не буду говорить ругательных слов, а буду послушно приносить ему наворованный дома сахар, после

смерти попаду в какое-то такое место, которое вообще-то не ад, но там темно. А я боялся темных комнат.

Смерть – Еврей – Ад.

Черный еврейский рай.

Было над чем подумать.

Я лежу в кровати. Кровать в центре комнаты. Квартиранты мои – Монюсь-младший (Монюсей у нас четверо¹¹), потом Альберт, Ежи. С другой стороны, вдоль стены, Фелюня, Геня и Ханечка.

Двери в спальню мальчиков открыты. Их шестьдесят штук. А слегка на восток от них спят тишайшим сном шестьдесят девочек.

Остальные на верхнем этаже.

Сейчас май, пусть и холодный, так что в верхнем зале худо-бедно могут спать мальчики постарше.

Ночь.

Про нее и про спящих детей у меня есть записки. Тридцать четыре исписанных блокнота. Именно потому я так долго не решался писать мемуары.

Я собираюсь написать:

– толстый том о ночи в детском доме и вообще о сне детей;

¹¹ См. далее. Например, о Монюсе Фрайбергере в главе «Бюро советов и новенькие».

– двухтомный роман. Действие происходит в Палестине. Брачная ночь пары «халуцей» у подножия горы Гильбоа, откуда бьет источник¹²; об этой горе и источнике говорит Книга Моисеева.

Глубоким будет этот мой колодец, если успею...

Три-четыре-пять-шесть.

Несколько лет назад я написал для детей повесть о жизни Пастера¹³.

Теперь продолжение серии: Песталоцци, да Винчи, Кропоткин, Пилсудский¹⁴ и еще пара десятков других.

¹² Халуцами называли членов палестинской еврейской организации «Хехалуц Хацаир» (*Hechaluc Hacair*) (с ивр. «Юные пионеры»), которая готовила еврейскую молодежь к переселению в Палестину; созданная в России во время Первой мировой войны, она действовала в Польше с 1919 г.; пропагандировала идеи еврейского национального возрождения (и иврита), обучала молодежь различным профессиям, главным образом, в области сельского хозяйства. Окрестности горы Гильбоа и источник Харод (которые неоднократно упоминаются в Библии) Корчак знал по своим палестинским путешествиям (1934, 1936), когда он жил в кибуце «Эйн Харод» (с ивр. «Источник Харод») неподалеку.

¹³ *Упрямый мальчик. Жизнь Луи Пастера*, 1938; эту книгу о французском ученом Корчак посвятил сестре, Анне Луи.

¹⁴ Иоганн Генрих Песталоцци (1746–1827), швейцарский педагог, которого Корчак особенно ценил; во время своей первой заграничной поездки в Швейцарию (1899) Корчак посещал места, связанные с ним. К работам Петра Кропоткина (1842–1921), русского ученого и политического деятеля, Корчак обращался в первом десятилетии XX века. В Доме сирот висел портрет Пилсудского с такой

Тут и Фабр, и Мультиатули, Раскин и Грегор Мендель, Налковский и Щепановский, Дыгасинский, Давид...¹⁵

Вы не знаете, кто такой Налковский?

О многих великих поляках не ведает мир...

подписью: «До войны в Польше правили немцы и русские. Пилсудский подбил рабочих на восстание. За это он долго сидел в тюрьме. Он создал польскую армию, победил как предводитель и стал Командиром Страны».

¹⁵ Большинство перечисленных лиц – знаковые фигуры в биографии Корчака (хотя бы как авторы книг, которые он читал). Уже на пороге XX века он писал: «Населить воображение детей и молодежи фигурами героев, которые не мечом, а открытиями и изобретениями боролись, торили мысли человечества новые пути <...> – вот что важно» («Педагогический обзор», 1901). Жан Анри Фабр (1823–1915), французский энтомолог. Корчак, поклонник его работ, ссылаясь на него в заключительных словах книги *Как любить ребенка. Летний лагерь*, 1920: «... Фабр гордится, что проделал эпохальные наблюдения над насекомыми, не уничтожив ни одного из них <...> мудрым оком наблюдал он мощные законы природы <...>. Воспитатель, будь же Фабром в мире детей». Мультиатули (с лат. «я много вынес»), псевдоним Эдуарда Доувеса-Деккера (1820–1887), голландского писателя. Джон Раскин (1819–1900), английский теоретик и историк искусства. Грегор Иоганн Мендель (1822–1884), чешский естествоиспытатель, монах. «... Из зеленого горошка выбил он грозный закон наследственности» (*Наедине с Богом*, 1922). Вацлав Налковский (1851–1911), географ, общественный деятель, публицист; как и упомянутый далее Ян Владислав Давид (1859–1914), педагог, психолог, принадлежал к числу особых «учителей» Корчака, в первом десятилетии XX века дружившего с дочерью Налковского Зофьей и женой Давида Ядвигой Щавинской-Давидовой. Станислав Щепановский (1846–1890), общественный деятель, публицист, промышленник. Адольф Дыгасинский (1839–1902), писатель. Собственные переживания во время чтения одного из его рассказов Корчак описывает словами рассказчика своей автобиографической повести: «... Я плакал. Дыгасинский, поэт-педагог, зачем ты заставил ребенка плакать?» (*Дитя салона*, см. примечание 88).

Семь.

Много лет назад я написал повесть о короле Матиуше¹⁶.
Теперь очередь царя-ребенка: король Давид Второй¹⁷.

Восемь

Как испоганить материал полутысячи графиков веса и роста воспитанников¹⁸ и не описать прекрасной, добротной и радостной работы роста человека?

[...] через ближайших пять тысяч лет.

Где-то там, в пропасти будущего, социализм, сейчас

¹⁶ *Король Матиуши Первый и Король Матиуши на необитаемом острове*, 1923.

¹⁷ Не ясно, имеет ли это какую-либо связь с царем Давидом (ок. 1040 – ок. 970 до н. э., второй царь Израиля, ок. 1010 до н. э.). К библейским персонажам Корчак обращался за несколько лет до этого, когда писал, примерно в 1936 г., первую книгу из запланированного цикла *Дети Библии – Моисей*.

¹⁸ В Доме сирот (и «Нашем доме») детей каждую неделю взвешивали и измеряли (эта и другая документация, которую систематически вели долгие годы, не уцелела в годы Второй мировой войны).

– анархия. Война поэтов и музыкантов в прекраснейшей Олимпиаде – война за красивейшую молитву: за один в год гимн для Бога на весь мир.

Я забыл добавить, что и так идет война.

Десять.

Автобиография.

Да, о себе, о своей ничтожной и важной особе.

Кто-то когда-то злоехидно писал, что мир – капля грязи, подвешенная в бесконечности; а человек есть животное, сделавшее карьеру.

Может быть, и так. Но [надо] дополнить: капля грязи знает, что такое страдания, умеет любить и плакать, и полна тоски.

А карьера человека, если все взвесить по совести (по совести?) – сомнительна, очень сомнительна.

Половина седьмого.

Кто-то в спальне крикнул:

– Ребята, купаться, вставайте!

Я откладываю перо. Встать или нет? Я давно не мылся.

Вчера я поймал на себе и безжалостно, одним ловким нажатием ногтя, убил вошь.

Если только успею, напишу апологию вшей.

Потому как наше отношение к этим прекрасным насекомым – несправедливое и недостойное.

Озлобленный русский мужик изрек приговор:

– Вошь не человек – всю кровь не выпьет.

Я сочинил короткий рассказик о воробьях, которых я двадцать лет подкармливал. И поставил себе задачу реабилитировать мелких воришек. Но кто захочет всмотреться в убожество вши?

Кто, если не я?

У кого достанет смелости встать на ее защиту?

«За циничную попытку взвалить на плечи общества обязанность заботиться о сироте, за бесстыдство оскорблений, проклятий и угроз в порыве бешенства, из-за того, что попытка не удалась, пани должна внести пятьсот золотых в пользу “Помощи сиротам” в течение пяти дней»¹⁹.

¹⁹ Организация, основавшая и курировавшая Дом сирот, – основанное еще в

В силу низкого уровня среды, да и дома, в котором пани пребывает, сумма штрафа получилась такой мизерной.

Я предвижу лживые оправдания, что вы, дескать, не знали, кто проводит беседу. Когда ваше чадо, девочка, посланная меня проводить, уже видела мое удостоверение, которое я показывал полицейскому²⁰, она бросила мне на прощание: «Скотина!» Я не настаивал на аресте подростка из-за ее возраста и из-за того, что у нее не было нарукавной повязки.

Под конец добавлю, что это было мое второе столкновение с притоном изысканного дома на Валицовой, 14. Потому что во время осады Варшавы мне мерзейшим образом отказали в помощи перенести в подворотню умирающего солдата с развороченной грудью, чтобы он не помер, как пес в сточной канаве.

А вот комментарий.

Хозяйки притона, откуда меня выбросили с воплями: «Пшел вон, старая сволочь, чтоб тебе руки-ноги переломать!», – «подружки», ни много ни мало, самой Стефании Семполовской²¹.

1908 г. общество «Помощь сиротам», которое, уже с ограничениями, но все же продолжало работать и в гетто.

²⁰ Речь идет о Еврейской службе порядка, учрежденной по приказу немцев Еврейским советом осенью 1940 г. (о Совете см. примечание 137).

²¹ Стефания Семполовская (1870–1944), общественно-политическая деятельница, просветительница, публицистка; Корчака связывало с ней многолетнее сотрудничество (в том числе он публиковался в журналах для детей, которые редактировали Семполовская и Янина Мортковичова). Далее Корчак пишет о тридцатилетнем знакомстве с ней, но это знакомство датируется еще началом века.

Я хотел бы подробнее высказаться на эту тему, поскольку этот вопрос имеет большое значение.

Семполовская была фанатичной защитницей евреев от клеветы и справедливых обвинений, которыми нас забрасывали столь же фанатичные враги.

Три еврейки с Валицовой – это те персонажи, которые сладкими словечками (ба! – даже принятием крещения!) насильно втирались в польское общество, в дома и семьи, чтобы представлять там евреев.

Многokrратно и безрезультатно я растолковывал энтузиастке – пани Стефании, – что не может и не должно быть понимания между «еврейской швалью» и духовной и моральной элитой поляков.

За тридцать лет нашего знакомства именно поэтому между нами случались иногда неприятные споры и отчуждение.

Войцеховский – Пилсудский – Норвид – Мицкевич – Костюшко – Зайончек... кто знает, может, и Лукасевич²². Креон и Антигона – не потому ли они так далеки от нас, что как раз очень нам близки?

²² Станислав Войцеховский (1869–1953), политик, социалистический и общественный деятель, второй президент Речи Посполитой; после майского переворота отошел от политики. Юзеф Зайончек (1752–1826), польский и французский генерал, царский наместник в Королевстве Польском. Лукасевич (майор Валериан Лукасинский) (1786–1868), подчиненный генерала Зайончека, позднее – репрессированный деятель движения независимости.

Еще раньше Налковский, Людвик Страшевич²³: казалось бы, враги, а тоскуют друг по другу.

Как же легко состыковаться двум мерзавцам для совместного предательства, преступления, мошенничества, и насколько невозможно согласное сотрудничество, когда двое одинаково любят, но понимают все по-разному, потому что у каждого свой багаж опыта.

Я питал ненависть и омерзение к евреям – *хандэлэс*²⁴ идеями и фразами. Видел я достоинство евреев, которые давали деру и скрывались от друзей за пределами окопов.

Как тут не вспомнить дорогого «Войтека» – боевого народного демократа, который за черным кофе почти с отчаянием спрашивал:

– Скажи, что делать? Евреи нам могилу роют.

А Годлевский²⁵:

– Мы слабые. За стопку водки продаемся евреям в рабство.

А Мощеньская²⁶:

²³ Людвик Страшевич (1857–1913), публицист, политический деятель, с социалистических позиций перешел на соглашательско-консервативные.

²⁴ Торговцы (идиш).

²⁵ Скорее всего, Стефан Годлевский (1853–1929), юрист, консервативный политик, публицист, писавший, в том числе в «Слове», редактором которого в 1887–1899 гг. был его брат Мстислав.

²⁶ Изабела (Иза) Мощеньская-Жепецкая (1864–1941), общественная деятельница, автор многочисленных публикаций, переводчик (в частности, перевела из-

– Ваши достоинства для нас – смертный приговор.

Угол Железной и Хлодной. Колбасная. Развалившаяся на стуле, обросшая салом еврейка примеряет туфли. Перед ней на коленях сапожник. Одухотворенное лицо. Седые волосы, умные и добрые глаза, голос глубокий и серьезный, а на лице выражение безнадежности и смирения.

– Я ведь предупреждал, что эти туфли...

– А я предупреждаю: оставь-ка ты эти туфли своей жене. Коли ты сапожник, так должен знать, как моя нога выглядит!

И болтает жирной ногой у сапожника перед носом – чуть ли не в лицо тычет.

– Слепой, что ли? Не видишь, что морщит?

Сцена эта – одна из худших, свидетелем которых я был, но не единственная.

– Наши не лучше.

– Знаю.

И что делать?

Радио есть у того, кто его купит. И автомобиль. И билет

вестную работу шведского педагога под именем Эллен Кей «Век ребенка»). Будучи молодым врачом, Корчак был домашним врачом Мощеньской-Жепецкой.

на премьеру. И поездки, и книги, и картины.

Может, рассказать о польских туристах, которые мне встретились в Афинах?²⁷ Они, ни много ни мало, фотографировались на фоне Пантеона. Расчирикались, все нарасташку – каждый щенок крутится вокруг собственного хвоста, мечтая его поймать.

Зачем я все это, собственно, пишу?

Ну да. Существует сатана. Существует. Но и среди чертей есть более зловредные и менее зловредные.

Слепили Янушек с Ирочкой садик и домик из песка, и цветочки, и забор. Носили воду в спичечном коробке. По очереди. Посоветовались, построили второй домик. Посоветовались и трубу добавили. Посоветовались – и вот колодец. Посоветовались – вот собачья будка.

Раздается звонок на обед. С дороги в столовую они два раза возвращались: что-то поправить, посмотреть.

А Мусик наблюдал издалека. А потом пнул, ногой растоптал, да еще и палкой долго колотил.

Когда они вернулись после обеда, Ирка сказала:
– Я знаю: это Мусик.

²⁷ Корчак посетил Афины проездом, во время поездки в Палестину (сушей и морем; в Пирее под Афинами останавливались суда, плывшие из румынской Констанцы в Хайфу).

Родившийся в Париже, он был возвращен отчизне и три года отравлял жизнь тридцати сиротам в детском саду.

Я написал о нем статью в *Szkola Specjalna*²⁸, [сделал вывод] что нужны исправительные лагеря, упомянул даже о смертной казни. Ведь он еще мал! И он будет безобразничать целых пятьдесят лет.

Милая пани Мария со смущенной улыбкой:

– Вы, должно быть, пошутили?

– Ни капли. Сколько людской обиды, сколько боли, сколько слез...

– Стало быть, вы не верите в исправление.

– А я не Адлер²⁹, – резко ответил я.

На пани Гжегожевскую долго сердиться нельзя. Компромисс: смертную казнь я вычеркнул – только исправительный лагерь остался (и то с трудом оставили).

²⁸ Характеры трудных детей (из приюта на Огородовой, 27) Корчак описал в статье *Дети дошкольного возраста с преступными наклонностями*; статья была опубликована в ежеквартальном издании «Специальная школа» (*Szkola Specjalna*), где Корчак много публиковался. Журнал выходил с 1924 г. под редакцией Марии Гжегожевской (1888–1967, педагог, психолог). Как преподаватель Корчак также был связан с Государственным институтом специальной педагогики, который в 1922 г. основала Гжегожевская и где она была директором, а также Государственным институтом учителей (с 1930).

²⁹ Альфред Адлер (1870–1937), австрийский психиатр.

Неужели порядочные люди, так сказать, «с верхней полки», непременно обречены на Голгофу?

Зачем я это пишу?

Понятное дело, ночь. Половина первого ночи.

Тяжкий у меня был день.

Конференция с двумя господами, кудесниками социальной опеки. Потом две беседы – одна как раз та, со скандалом. Потом заседание Правления.

Завтра – Дзельна, 39³⁰.

Я сказал:

– С позволения сказать, пан адвокат, если каждый день хоть на миллиметр лучше – это стимул приложить больше усилий. Если с каждым днем все хуже – придет катастрофа и какое-то изменение. А мы топчемся на месте.

³⁰ Под этим адресом, в бывшем приюте Св. Станислава Костки, в гетто размещался Главный дом-убежище, организованный в начале войны слиянием прежнего Главного дома-убежища (для детей школьного возраста; Вольска, 18) и Дома опеки для покинутых детей иудейского вероисповедания (для детей младшего возраста; Лешно, 127).

Послушай. То, что я скажу, может пригодиться.

Есть четыре способа обезвредить нежеланных пришельцев.

1. Подкупить. Допустить в свою мафию и подмазать.

2. Соглашаться на все и, пользуясь их невнимательностью, продолжать делать все что угодно. Я же один, а их множество. Я о них думаю, самое большее, три часа в день, а они размышляют, как обмануть, сутки напролет.

Я это объясню, когда буду говорить о мышлении во сне. Хотя это всё вещи известные.

3. Подождать, переждать, притаиться и в подходящий момент скомпрометировать. Смотрите. Это он так распорядился. Можно соврать. (Ему хотели все бабки отдать.)

4. Вымотать. Или он уйдет, или перестанет смотреть. Ну и что?

Чернила кончились.

Я стар всякий раз, когда вспоминаю прошлое, минувшие годы и события.

Я хочу быть молодым, вот и строю планы на будущее.

Что я буду делать после войны?

Может быть, меня призовут к сотрудничеству в строительстве нового порядка в мире или в Польше? Очень сомнительно. Да я этого и не хочу. Мне пришлось бы чиновничать, стало быть – рабство принудительной работы «от и до», контактов с людьми, где-нибудь письменный стол, кресло и телефон. Пустая трата времени на текущие, обыденные мелкие дела, борьба с мелкими людишками и их мелкими амбициями, протекцией, иерархией, целями.

В общем, каторга.

Лучше уж действовать в одиночку.

Когда я болел тифом³¹, было мне такое видение.

Огромный театр или концертный зал. Толпы празднично одетых людей. Я говорю о войне и голоде, сиротстве и страданиях.

Я говорю на польском языке. Переводчик вкратце переводит на английский (дело происходит в Америке). Вдруг голос мой срывается. Тишина. Откуда-то из глубины зала раздается крик. Бежит ко мне Регина³². Останавливается перед

³¹ Корчак болел тифом в начале 1920 г., мобилизованный в армию во время польско-советской войны.

³² Регина Шавельсон (в браке Грос), одна из первых воспитанниц Дома сирот; после эмиграции в США поддерживала контакт с Домом; сохранилось письмо

возвышением, бросает на эстраду часы и кричит «Я отдаю вам все!»

И вот проливной дождь банкнот, золота и драгоценностей. Мне бросают кольца, браслеты, колье... На сцену выбегают мальчики из Дома сирот: братья Гельблат, Фалка, Марио Кулявский, Глузман, Шейвач³³ – и всё это запихивают в накатрасники. Раздаются крики, аплодисменты и плач растроганных слушателей.

Я не очень доверяю пророчествам, но, невзирая на это, уже больше двадцати лет жду, чтобы это видение сбылось.

О Регине я вам расскажу, когда придет очередь странных судеб воспитанников белого дома на улице Крохмальной. Серая Варшава.

Вот получу я неограниченные средства и объявлю кон-

Корчака к ней (он писал ей: «Дщерь моя») от 1932 г.

³³ Есть некоторые данные о судьбе Бронислава Гельблата – участник польско-советской войны, эмигрировал с братом в Аргентину; Майера (Марио, Макса) Кулявского – сотрудник «Малого обзора» (*Mały Przegląd*), газеты Корчака для детей, эмигрировал в Чили; Шейвача/Сейвача – он женился на воспитаннице Дома сирот Цесе Наимской; а прежде всего – о Берле-Леоне Глузмানে. О его судьбе (он эмигрировал в Канаду) и сохранившейся коллекции памятных вещей из Дома сирот см.: Ольга Медведева-Нату «“Пусть жизнь их будет легче...”» О Януше Корчаке и его воспитаннике» (Olga Medvedeva-Nathoo, *“Oby im życie łatwiejsze było...” O Januszu Korczaku i jego wychowanku.* – Poznań, 2012.)

курс на строительство крупного детского дома в горах Ливана. Возле Кфар Гелади³⁴. Там будут большие казарменные столовые и спальни. И маленькие «домики отшельников». Для себя на террасе плоской крыши у меня будет одна небольшая комнатка с прозрачными стенами, я бы не потерял ни одного восхода и заката, чтобы писать в ночи, раз за разом поглядывая на звезды.

Молодая Палестина стремится кропотливо и честно достичь согласия с землей. Но придет и очередь неба. В противном случае это стало бы недоразумением и ошибкой.

Почему не Биробиджан, Уганда, Калифорния, Абиссиния, Тибет, Мадагаскар, Индия, юг России³⁵ или Полесье [?] Даже Англия, доброжелательная и знающая мир, не знает, где сосредоточить эту (впрочем, маленькую) горстку еврейства.

³⁴ Кфар Гелади/Гилади – основанный в 1916 г. кибуц в Верхней Галилее, на границе с Ливаном, известный Корчаку по его поездке туда.

³⁵ Некоторые из упомянутых территорий должны были стать или стали местами переселения евреев. Биробиджан, город на Дальнем Востоке в Советской России, куда с 1928 г. переселяли евреев; в 1930 г. там был создан Национальный район, позже получивший статус Автономной Еврейской национальной области; ранее подобные планы касались Крыма. Лозунг «Евреи – на Мадагаскар», который выдвигался также и в Польше, касался более ранней французской инициативы. В XIX веке, в начале сионистского движения, в расчет принимали Уганду, но в конце концов, после так называемой Декларации Бальфура от 1917 г., реальным местом создания Еврейского государства стала Палестина, с 1922 г. – официальная подмандатная территория Великобритании.

Каждый год, в родной город и к друзьям, я приезжаю на несколько недель и на разговор о делах важных и вечных...

Я уже не повторяю монотонно мечтаний. Всякий раз – какая-нибудь перемена.

Больше всего проблем со строительством хижин для отшельников. Те, кто заслуживает одиночества, стремятся к счастью через одиночество, они читают его и должны перевести его на язык, понятный *urbi et orbi*, граду и миру³⁶, у них должно, должно быть... Но вот что именно должно быть – вот в чем загвоздка.

Мошек снова положил слишком мало карбида. Лампа гаснет.

Делаю перерыв.

Пять утра.

Старый добрый Альберт убрал затемнение в комнате.

Поскольку окна затемняют жалюзи из черной бумаги, чтобы свет из окон не мешал военным властям беседовать световым кодом, но якобы для того, чтобы вражеским самолетам не облегчать путь. Как будто нет еще десятка других прибо-

³⁶ «Городу и миру» (*лат.*) – всем вокруг.

ров и указателей. А люди все-таки верят.

Так что снова светло.

Люди наивны и честны. Вероятно, несчастны. Они не знают, что такое счастье.

Каждый понимает его по-своему.

Одному – вкусный чолнт³⁷ или колбаса с кислой капустой. Второму – спокойствие, комфорт, удобство. Третьему – де-вушек, много и разных. Четвертому – музыка, карты или путешествия.

И каждый по-своему защищается от скуки и тоски.

Скука – голод духа.

Тоска – это желание, жажда воды – и полет свободы и человека; исповедника, советника – совета, исповеди, сочувственного уха для моих сетований.

Дух тоскует в тесной клетке тела. Люди чувствуют и рассматривают смерть под углом конца, а ведь она – продолжение жизни, другая жизнь.

Если даже ты не веришь в душу, то должен ведь признать, что твое тело будет жить: зеленой травой, облаком. Ты ведь сотворен из праха и воды.

«Мир – круговорот зла, вечный в своем постоянстве», – говорит Тетмайер³⁸.

³⁷ Традиционная субботняя запеканка в еврейской кухне.

³⁸ Казимеж Пшерва-Тетмайер, «Верую» (*Credo*); Корчак, в частности, цити-

Скептик, пессимист, насмешник, нигилист – и тоже говорит о вечности.

Бессмертна амеба, а человек – колония из шестидесяти триллионов, согласно Метерлинку³⁹. А уж он-то мог достучаться до авторитетов. Потому как я уже пару десятков лет безуспешно пытался дознаться, сколько это будет раз по два миллиарда. Коллега профессор Пашкевич⁴⁰ говорил, что это астрономическое число, пока я случайно не нашел ответ в «Термитах».

Людей в мире – два миллиарда, а я – сообщество во много миллионов раз больше, поэтому у меня есть право, есть обязанность заботиться о собственных своих миллиардах, по отношению к которым у меня есть обязательства.

Опасно говорить об этом всем подряд, хотя и так каждый это чувствует, даже если не очень знает.

К тому же, разве моя вселенная жизни и ее процветание не зависят от благополучия целого поколения, от каннибалов австралийских островов вплоть до кабинета поэта, ученого,

ровал это стихотворение в крупном очерке под названием «Аснык и Тетмайер» («Странник» (*Wędrowiec*), 1901). В январе 1940 г. он участвовал в похоронах Тетмайера на кладбище Повонзки в Варшаве.

³⁹ Морис Метерлинк (1862–1949), бельгийский писатель; в числе его произведений – *Жизнь пчел*, 1903, *Разум цветов*, 1922, *Жизнь термитов*, 1927.

⁴⁰ Профессор Людвик Станислав Пашкевич (1878–1967), патоморфолог; выпускник, а с 1924 г. – профессор Варшавского университета; товарищ Корчака по студенческим годам (они учились в одно и то же время, в 1899–1904 гг.; в 1907–1908 гг. Пашкевич, как и Корчак, был на стажировке в Берлине).

всматривающегося в глазок телескопа на заснеженном пике, на равнине полюса?

Если маленькая Генька кашляет ночью, я ей альтруистически сочувствую, но эгоистически взвешиваю свое ночное беспокойство, заботу о ее здоровье (а вдруг что заразное?), стоимость дополнительного питания, хлопоты и стоимость отправки ее в деревню.

Мне хочется спать. Пока мой улей не загудел, вздремну часок.

Я уверен, что в будущем разумном обществе закончится диктатура часов.

Спать и есть, когда захочется.

Какое счастье, что врачи и полиция не могут мне прописать, сколько можно делать вдохов в минуту и сколько раз имеет право биться мое сердце.

Я неохотно сплю ночью, потому что потом днем не могу спать. Хлеб с водой мне ночью вкуснее.

Это нонсенс – класть ребенка в постель, чтобы он беспробудно проспал десять часов.

Человек будущего узнает с удивлением, что для украшения жилищ мы использовали срезанные цветы. И картины на стенах. А вместо ковров – шкуры животных.

Скальпы, скальпы цветов и благородных наших, при жизни меньших, братьев.

И холст замалеванный, на который через какое-то время и смотреть-то перестаешь, зато на нем оседает пыль, а под ним разводится всякое тараканство.

Какой же мелкий, бедный и дикий был этот первобытный человек, что жил тысячи лет назад.

И сочувственно будут они думать о наших примитивных формах обучения.

Невежество мертвого языка.

«Выходя в народ», я раз за разом вылавливал таланты среди детей.

Где-то на Сольце, в каморке ремесленника, мне показали рисунки мальчика: конь выглядел как конь, дерево – как дерево, корабль – как корабль.

Я занес рулон картинок, которые показались мне лучши-

ми, известному художнику. Он посмотрел и скривился:

– Это совершенно никчемные работы. Перерисованные. Вот это еще сойдет с горчичкой...

Странную вещь он сказал:

– Каждый должен уметь увековечить карандашом то, что хочет сохранить в памяти. И всякий, кто этого не умеет, – невежда.

Сколько раз я вспоминал эту незыблемую истину!

Вот сценка, вот деревья, которые, еще миг, – и навеки пропадут для меня. Какая жалость, какая потеря.

Туристы выкрутились: фотография. Уже и киноплёнка. Растут дети и молодежь, которые могут любоваться своими первыми неуклюжими шажками.

Незабываемые картинки просыпающейся спальни. Взгляд, движения замедленные – или внезапное выскакивание из кровати. Этот трет глаза, а тот рукавом рубашки потирает уголки рта, третий поглаживает ухо, потягивается, держит в руках какую-то одежду – и надолго замирает, заглядевшись.

Живо, флегматично, ловко, неуклюже, уверенно, боязливо, тщательно, небрежно, внимательно или автоматически.

Это испытание: сразу видишь, кто и почему, всегда или аккуратно сегодня так делает.

Лектор комментирует фильм:

– Прошу смотреть внимательно (тычет указкой, как в кар-

ту).

Неприятные взгляды этих двоих справа показывают, что они друг друга не жалуют, их кровати не должны стоять рядом.

Прищур глаз вот у этого несомненно доказывает, что он близорук.

Не доверяйте упорству и выдержке вот этого пацана: чувствуется усилие, нервозность движений, сбивчивый темп, паузы в, казалось бы, решительной спешке. Может, он на спор соревнуется с тем, что слева, на которого он раз за разом поглядывает.

Вот этому я предрекаю плохой день. Что-то с ним не так. При умывании, застилая постель, за завтраком, через минуту или через час, он поссорится или подерется, невежливо ответит воспитателю.

Мы стояли вдвоем у окна, когда набирались новые команды играть в «вышибалы».

Благородная, рыцарская игра.

Десятилетний знаток был моим учителем.

– Этого сразу выбьют, он устал. А вот тот только в середине игры начнет стараться. Этого выкинут. А вон у того глаза на затылке: смотрит вправо, а бьет влево. Вот этот нарочно поддается, он хочет выбить тех двоих. А вот тот обидится, поссорится со всеми и разревется.

Если предсказание не сбывается, знаток знает почему, и

объясняет почему. Он что-то упустил в своих расчетах и оценках:

– Он так играет, потому что вчера стекло разбил, вот теперь и боится. А вот этому солнце в глаза бьет. Вон тот не привык к этому мячу, он для него жестковат. А вот у него нога болит. А вот за этот шикарный удар его другу спасибо: он всегда ему помогает.

Знаток читает игру, как партитуру, комментирует ходы, как в шахматной партии.

Если я кое-что и понимаю, этим я обязан своим самоотверженным наставникам.

Какие они терпеливые, самоотверженные, дружелюбные, и какой же я неспособный и неуклюжий ученик.

Ничего удивительного: мне уже было за сорок, когда у нас народился футбол, а они уже ползали с мячом в обнимку.

Пять толстых томов:

1. Мяч обыкновенный.
2. Мяч ножной (футбол).
3. «Вышибалы».
4. Психология и философия игры в мяч.
5. Биографии и интервью. Описание знаменитых ударов, партий и полей.

И сто километров киноленты.

Не раздражаюсь, не выхожу из себя, не сержусь и не возмущаюсь, если я заранее предвидел реакцию.

Сегодня класс будет беспокойный, потому что первое апреля, потому что жара, потому что через три дня экскурсия, потому что через неделю праздник, потому что у меня голова болит.

Помню воспитательницу с большим стажем работы, которая возмущалась, что у мальчиков так быстро отрастают волосы, – и помню юную воспитанницу Бурсы⁴¹, начинавшую отчет о том, как она дежурила, укладывая девочек спать.

– Девочки сегодня вели себя невыносимо. В девять часов они еще шумели. В десять – шепот и смешки. А все потому, что начальница устроила мне головомойку, потому что я была сердита, потому что я спешила, потому что у меня завтра семинар, потому что у меня петля на чулке поехала, потому что я получила грустное письмо из дому.

Кто-то скажет:

– Чего стоит фильм, если дети знают, что их снимают?
Легко.

Аппарат всегда стоит на месте. Оператор в разное время и в разном направлении крутит ручку незаряженного аппарата.

Детям обещают показать фильм, когда он будет готов, но всегда что-нибудь не получается. Много раз снимают детей

⁴¹ С 1923 г. в Доме сирот (с 1928 г. – в «Нашем доме») действовала так называемая Бурса для бывших воспитанников, а позднее – для всех заинтересованных лиц. Ежедневная работа в пользу Дома сирот в течение нескольких часов и участие в еженедельных педагогических семинарах предполагали проживание «бурсистов». Бурса продолжала свою работу и в гетто.

назойливых, неприятных, непопулярных, неинтересные сцены. Никто ни разу не призывает детей вести себя естественно, смотреть не туда, а сюда, «заниматься своими делами». Юпитеры беспорядочно зажигают и гасят. А то снова и снова велят прервать игру и устраивают утомительную репетицию.

Жадный интерес к сенсации сменяется раздражением. Наконец они перестают воспринимать съемку. Через неделю, через месяц. Впрочем, напрасно я это пишу. Наверняка все так и делают, иначе и быть не может.

Невежда тот воспитатель, который этого не знает, и идиот – если не понимает.

В будущем каждый воспитатель станет стенографом и кинооператором.

А парлограф⁴², а радио?

А эпохальные эксперименты Павлова⁴³?

А тот садовник, который путем скрещивания или, опять же, воспитания растений получает розы без шипов и «от осины апельсины»?

Контур человека у нас уже есть, может, даже фотография. Может, не хватает сущей малости? Нужен только способный и добросовестный ретушер.

Другие бояться спать днем, чтобы не портить ночи. Я – наоборот. Я неохотно сплю ночью – мне бы поспать днем.

⁴² Устройство для записи и воспроизведения речи.

⁴³ Иван Петрович Павлов (1849–1936), русский физиолог; провел знаменитые исследования рефлексов в 1904 г.

15 мая, шестой час

Девочки уже до половины [...] ⁴⁴

Было примерно так. Говорят:

– Знаешь, Хелечка, беспокойный ты человек.

Она в ответ:

– А я – человек?

– Ну да. Ведь не собачка же.

Задумалась. После долгой паузы, с удивлением:

– Я человек. Я Хелечка. Я девочка. Я полька. Я мамина доченька, я варшавянка... Как меня много!

В другой раз:

– У меня есть мамочка, папочка, бабушка... две бабушки, дедушка, платице, ручки, куколка, столик, фартучек... А вы у меня тоже есть?

Один народник мне сказал:

– Еврей – искренний патриот, в лучшем случае – хороший варшавянин или краковянин, но не поляк.

Меня это высказывание застигло врасплох.

Я честно признался, что меня не трогают Львов, Познань, Гдыня, Августовские озера, ни Залешики, ни Заользе. Я не

⁴⁴ Непонятная запись, возможно, речь шла о взвешивании детей (но 15 мая – это пятница, а дальше речь идет о субботнем взвешивании, см. ниже).

бывал в Закопане (вот такое я чудище), меня не восхищают ни Полесье, ни море, ни Беловежская Пуца. Висла из-под Ракова для меня чужая, я не знаю и не хочу знать Гнезно. Но я люблю варшавскую Вислу и, оторванный от Варшавы, испытываю снедающую тоску.

Варшава – моя, а я – ее. Больше скажу: я и есть Варшава.

Я вместе с ней радовался и горевал, ее солнышко было моим солнышком, ее ливень и грязь – моими.

Я с ней вместе рос. Мы в последнее время отделились друг от друга. Выросли новые улицы и районы, которых я уже не понимаю. Много лет я чувствовал себя на Жолибоже иностранцем⁴⁵. Куда ближе мне Люблин и даже никогда мной не виданный Грубешув⁴⁶.

Варшава была для меня территорией моей работы или мастерской; здесь – места постоя, тут – могилы.

Пока шел кукольный спектакль⁴⁷, я вспоминал ряженных с улицы Медовой и вертеп с улицы Фрета⁴⁸.

⁴⁵ На Жолибоже Корчак бывал, навещая знакомых и друзей в домах Варшавского жилищного кооператива. За Жолибожем – на Белянских Полях (позднее площадь Конфедерации) – с 1928 г. размещался «Наш дом».

⁴⁶ Город, откуда происходит семья Гольдшмидтов, дедов Корчака, и их детей.

⁴⁷ В Доме сирот организовывали открытые представления для детей, в том числе кукольные.

⁴⁸ Медова, 15 и 19 – адреса проживания семьи Гольдшмидт в детстве Корчака,

А было так.

Начиная с Рождества Христова ходили по дворам, что побогаче, безработные в ту пору каменщики и давали представления, когда их зазывали в квартиры.

Ящик-сцена, гармошка или шарманка. А на сцене фигурки: царь Ирод на троне, черт с вилами.

Представление играли в кухне, чтобы в комнатах не пачкать. Кухарка прятала всякую мелочь, потому что крали – один раз увели две фразетовые ложки из комплекта⁴⁹. Было прекрасно, и страшно, и поучительно.

Под конец выходил дед с мешком и просил подавание.

Отец велел мне собственноручно кидать в дедов мешок новые серебряные десятигрошевики, я менял всю свою наличность на двугрошевые монетки и, трепеща от волнения, бросал в мешок. А дед заглядывал в мешок, тряс длинной седой бородой и говорил:

– Ой, маловато будет, маловато, дай-ка еще, кавалер.

И тогда же я с отцом ходил смотреть вертеп.

Длинный зал сиротского дома, занавес, таинственность, теснота, ожидание.

Какие-то странные создания в синих халатах и белых чепцах на голове, с жесткими крыльями.

Я боялся. Меня душили слезы.

в 1882–1887 гг. Представления (вертеп), скорее всего, разыгрывали в приюте при монастыре монахов-доминиканцев, улица Фрета, 10.

⁴⁹ Изделия известной варшавской посудной фирмы, основанной в 1824 г. Иосифом Фраже.

– Папочка, не уходи.

– Не бойся.

Таинственная пани посадила меня в первом ряду.

Не делайте этого, если ребенок не хочет. Я предпочел бы сидеть где-то на стороне, чтобы меня заслонили, пусть бы в тесноте.

Беспомощно:

– Папуля...

– Сиди, дурачок.

По дороге я спрашивал, будут ли там Ирод и черт.

– Сам увидишь.

Ужасна эта сдержанность взрослых. Не делайте детям сюрпризов, если они не хотят. Им нужно знать заранее, что будут стрелять, точно ли будут, когда и как. Ведь нужно подготовиться к долгому, далекому и опасному путешествию.

А их, взрослых, только одно заботит:

– Иди пописай, там нельзя будет.

Но у меня сейчас на это времени нет, да и не хочется. Не умею я про запас.

Я уже знал, что это будет какой-то очень важный и в сто раз лучший вертеп, да еще и без деда с мешком.

Оно и лучше, что без деда.

Я уже говорил. Поучительное время.

Да. Этот дед. Не только он, но он – в первом ряду.

Был он ненасытен.

В его мешок вначале падали безразличные родительские

серебряшки, потом собственные тяжело накопленные медяки. Наученный горьким, горьким и унижительным опытом, я их долго копил, собирал, откуда мог. Часто жертвой скопидомства становился живой нищий дед на улице; я думал: «Не дам, спрячу для этого своего с мешком, из вертепа».

Мой дед был ненасытным, а мешок его – бездонным. Маленьким он был, и мешок – в пять раз меньше моего кошелечка, а поглощал, пожирал, последнее выжимал.

И я давал и добавлял. Попробую еще раз: может, наконец, скажет, что хватит...

– Папочка, бабуля, Катаржина, я отдам, одолжи.

На корню продам урожай целого года.

Любопытство. Может быть, удастся подсмотреть, как он исчезнет на мгновение за сценой, и опять назойливо призывает и подначивает.

И страх, печальное осознание того, что после деда – уже конец, уже ничего не будет.

Хуже – только утомительный ритуал мытья перед сном, может быть, даже рыбий жир.

В исключительные дни не надо нагружать и дразнить детей всем вот этим: история, знания; опыт справедливо наказал использовать [праздник] на пользу малышне. Только праздник.

Вся сосредоточенность, вся свобода, вся сказка, вплетенная в серость.

Дед из вертепа на Медовой улице, такой трагической по-

сле осады Варшавы, научил меня очень многому. Бездна надежды перед настойчивой просьбой и бесконечность требований, которые нельзя удовлетворить.

Сперва даешь охотно, потом без энтузиазма, с чувством долга, потом с тревогой, потом по закону инерции, равнодушно и без сердечного участия, потом с неохотой, с гневом, с отчаянием.

А он хочет все, что у тебя есть, и тебя в придачу.

В вертепе я хватался за этого деда, как за последнюю нить, что связывает с чарующей сказкой в жизни, с волшебной мистерией жизни, с магией красочных и праздничных восторгов.

Прошло – не вернется. Умерло – погребено. Только один этот странный [дед]. И этот его пугающий [...]. Добро. Зло. Горячее желание, беспомощность, множество и ничто.

Может быть, расскажу, как я кормил воробьев через сорок лет.

Не отказывайте, если ребенок просит повторить одну и ту же сказку еще и еще. И еще раз ту же самую.

Для некоторых детей (их может больше, чем мы думаем) представление должно состоять только из одного, повторяемого раз за разом номера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.